

АГИОЛОГИЯ.

Н. DELEHAYE. Les passions des martyrs et les genres litteraires. Bruxelles 1921.

«Формальный методъ», вызвавший переворотъ въ теоріи и исторіи литературы, давно уже началъ просачиваться въ историческія богословскія дисциплины. Еще до войны вышла очень полезная (благодаря новому — не хронологическому, а формальному) распределенію матеріала книга J o r d a n' a: «Geschichte der alten christlichen Litteratur». Послѣ войны въ Германіи Dibelius сдѣлалъ опытъ новаго литературнаго подхода къ евангельскимъ текстамъ въ своей нашумѣвшей работѣ: «Das Formproblem des Evangeliums». Теологи и классики — Голль, Рейценштейнъ — примѣняли — конечно, не первые — формальный методъ въ агіологии въ изслѣдованіяхъ о связи Аонасіева житія св. Антонія съ античной біографіей.

Въ рецензируемой работѣ мы находимъ не столько новый опытъ приложенія формальнаго метода, сколько подведеніе итоговъ всей жизненной работы самаго выдающагося представителя современнаго болландизма. Постановка новыхъ, чисто литературныхъ проблемъ является скорѣе уступкой духу времени, мало отразившейся на самомъ построеніи книги.

Книга эта дополняетъ работу того же автора: «Les origines du culte des martyrs» (1911), подходя къ агіологии мучениковъ съ точки зрѣнія агіографіи, т.е. литературныхъ памятниковъ культа. Конечно, даже исчерпавъ свои темы, обѣ эти книги не исчерпали бы задачу агіологии мученика. Оставался бы, какъ предметъ изученія, самъ мученикъ и его подвигъ — историческая обстановка и религіозный смыслъ его. Впрочемъ, эта область изслѣдованій — о святости, какъ религіозномъ явленіи — лежитъ какъ будто внѣ круга интересовъ болландистской школы.

Къ агіографической проблемѣ «страданій мучениковъ» авторъ, не взирая на заглавіе, подходитъ съ точки зрѣнія чистаго историка. Его интересуютъ не литературныя формы, а историческая достовѣрность содержанія. Отсюда раздѣленіе памятниковъ на три основныя группы: «Страданія историческія», «панегирики» и «страданія эпическія», дополняемыя второстепенными жанрами.

Подъ «историческими страданіями» о. Делеэ понимаетъ то, что обычно называется «подлинными» мученическими актами. Онъ отказывается отъ старой терминологіи изъ-за ея неточности. Но съ формальной и литературной точки зрѣнія, конечно, нѣтъ ничего общаго между посланіями Смирнской и Ліонской церкви о своихъ мученикахъ, судебными протоколами и сложными «пассіями», съ автобіографическими записями видѣній (св. Перпстуи и др.). Историческими всѣ эти страданія называются потому, что они современны

кончинѣ мученика, представляютъ надежный историческій матеріалъ.

Цѣнность этой части работы въ точномъ опредѣленіи объема надежной исторической литературы «пассій» и въ критическомъ анализѣ отдѣльных памятниковъ. Кругъ историческихъ «пассій» очерченъ авторомъ четко и строго. Въ него вошли 17 «актовъ», къ которымъ слѣдуетъ прибавить не вошедшія въ книгу, но обѣщанныя авторомъ, критическія изслѣдованія о свв. Феликсѣ и Марцеллѣ африканскихъ и о египетскихъ мученикахъ. До сихъ поръ появились только реконструированные авторомъ подлинныя акты св. Феликса (Anal. Voll. т. 39).

Во второй главѣ авторъ анализируетъ «панегирики» — похвальные слова греческихъ (только греческихъ) отцовъ церкви конца IV — начала V в. съ точки зрѣнія литературной формы. Панегирикъ изучается въ связи съ канономъ античной реторики. Эта часть наиболѣе соотвѣтствуетъ «формальной» задачѣ книги, но историческое вниманіе автора — мысль о достовѣрности — и здѣсь остается руководящей. Вполнѣ отсутствуютъ эстетическія оцѣнки. Не находимъ и ожидаемаго вывода о томъ, что дала панегирическая форма — въ смыслѣ канона агіографическаго стиля — для всей послѣдующей «эпической» литературы.

Подъ именемъ «эпическихъ» авторъ обнимаетъ всю огромную массу позднихъ памятниковъ, рисующихъ героическій подвигъ мучениковъ. О. Делеэ не считаетъ пужнымъ выдѣлить изъ этого необозримаго круга произведенія, имѣющія хотя бы относительную историческую цѣнность. Безыскусственныя запоздалыя записи преданій мѣстныхъ церквей, еще свободныя отъ поэтической обработки, вообще не находятъ себѣ мѣста въ этой классификаціи, и неудобство это ощущается тѣмъ сильнѣе, что объемъ «подлинныхъ» актовъ опредѣляется въ наукѣ далеко не однозначно. Читатель хотѣлъ бы отдать себѣ отчетъ въ томъ, что находится за предѣлами, но въ ближайшей близости, центрального, болѣе или менѣе общепризнаннаго ядра.

Пріемъ трактовки «эпическаго» жанра — литературно типологическій. Авторъ разсматриваетъ всю хаотическую груду памятниковъ, какъ литературное единство и устанавливаетъ характерныя, типическія его черты. Получается образъ, знакомый каждому и ярко нарисованный нѣкогда авторомъ въ его раннихъ «*Legendes hagiographiques*». Такая суммарная разработка — единственно, можетъ быть, возможная въ наше время — показываетъ, какъ мало еще сдѣлано въ этой сложной и трудной отрасли христіанской литературы. Нѣтъ и намека на опредѣленіе мѣстныхъ школъ, филиацію памятниковъ, общую эволюцію формы. Не изучены даже формальныя законы этой классической агіографіи, особенно важныя въ связи съ ея литургическимъ значеніемъ. А между тѣмъ нѣсколько наблюдений Узенера, набросанныхъ когда-то рукою мастера-филолога въ его «*Der heilige Tychon*» (мы говоримъ, разумѣется, исключительно

о его филологическомъ анализѣ житія) открываютъ широкія перспективы для цѣлыхъ поколѣній изслѣдователей.

Отмѣтимъ, что и въ этой главѣ авторъ остается преимущественно на почвѣ Востока, проявляя изумительную начитанность въ греческой агиографіи.

Добавочныя главы въ книгѣ о. Делеэ о «второстепенныхъ» и «смѣшанныхъ» жанрахъ, о «жизни агиографическихъ текстовъ» даютъ лишь отрывочныя наблюденія, анализъ нѣкоторыхъ спорныхъ памятниковъ, щедрый и нестѣсненный рамками даръ много знающаго, много поработавшаго автора изъ собранныхъ имъ научныхъ кладовъ. Въ этомъ, повторяю, главная цѣнность книги. Не мы будемъ жалѣть о томъ, что этотъ даръ достался намъ безъ послѣдней окончательной отдѣлки, которая, по состоянію науки, заставила бы долго себя ждать. И въ такомъ незавершенномъ видѣ (безъ Index'а и указанія литературы, на желтоватой бумагѣ — свидѣтельствующей о скудости послѣвоенныхъ годовъ) эта книга, какъ единственная и незамѣнимая, какъ первый опытъ синтеза, останется надолго необходимымъ научнымъ пособіемъ на столѣ каждаго работника въ области агиологии.

Г. Федотовъ.